

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ

Статья посвящена исследованию уголовной политики как направления деятельности государства по борьбе с преступностью. Уголовная политика рассматривается в комплексе, виды уголовной политики и ее уровни систематизированы в единый объект научного познания. Обосновывается необходимость оптимизации всех подсистем уголовной политики, приведение ее основополагающих линий в соответствие со сложившимися социально-экономическими условиями.

Ключевые слова: уголовный процесс, правовая политика, права личности, Конституционный Суд.

I.G. Smirnova, D.V. Shablinskaya

TO A QUESTION OF MODERN CRIMINAL PROCEDURE POLICY AND ITS VALUE

Article is devoted to research of criminal policy as activities of the state on fight against crime. The criminal policy is considered in a complex, types of criminal policy and its levels are systematized in uniform object of scientific knowledge. Need of optimization of all subsystems of criminal policy, reduction of its fundamental lines in compliance with the developed social and economic conditions locates.

Keywords: criminal trial, legal policy, rights of the personality, Constitutional Court.

Социальная политика – движущая сила совершенствования общества, важнейшая перспектива его развития. Внешне она выражается в совокупности принятых государством решений и предполагает разработку и реализацию определенных правовых, организационно-управленческих и других мер, которые направлены на достижение социально полезных целей. Как отмечает Э.А. Саркисова, «правовая система общества, формы ее реализации, используемые средства противодействия негативным явлениям не могут существовать вне поли-

тических устремлений государства, в отрыве от общих социально-политических мероприятий, проводимых государством в целях удовлетворения жизненных потребностей человека и общества в целом» [1, с. 540].

Одной из функций современного государства является охрана общественных отношений от опасных посягательств, обеспечение национальной безопасности. Соответственно, можно выделить особое направление социальной политики – специальную систему направляющего воздействия на общество в целях предупреждения и пресечения общественно опасного поведения [2, с. 7]. Данный вид социальной политики именуется политикой в области борьбы с преступностью или уголовной политикой.

Вопрос о политике не нов для современной науки [3, с. 595–600]. Так, в своей работе «Проблема уголовной политики» профессор А. Маклецов справедливо указывал, что из славянских государств уголовная политика теоретически больше всего разрабатывалась в России, где благодаря М.П. Чубинскому курс уголовной политики был введен в учебный план университетов [4, с. 359].

Под политикой (от греч. *politiká* – государственные или общественные дела) в целом следует понимать науку о задачах и целях государства и тех средствах, которые имеются в распоряжении или бывают необходимы для выполнения этих целей [5, с. 352]; область взаимодействия между классами, партиями, нациями, народами, государствами, социальными группами, властью и населением, гражданами и их объединениями [6, с. 121].

«Политика» является одним из самых распространенных и многозначных терминов. Существующие научные определения политики подлежат систематизации и классификации на три основные группы: социологические, субстанциональные и научно сконструированные [7, с. 7–14]. Однако ввиду того, что право выступает одним из социальных образований, мы будем придерживаться социологического подхода к определению политики (то есть путем выявления ее существенных черт через иные социальные категории).

Итак, в науке обосновываются различные позиции в части определения понятия и содержания уголовной политики. На первоначальном этапе уголовная политика понималась достаточно широко: в ее содержание включались и меры социального характера. Например А.А. Герцензон, которому принадлежит авторство на пер-

вое в советской литературе понятие уголовной политики, рассматривал ее как сочетание не только юридических, но и социальных мер [8, с. 179]. В последующем, как отмечает Э.А. Саркисова, грани уголовной политики стали ограничиваться только юридической направленностью [1, с. 540].

Проблемы уголовной политики достаточно часто выступали предметом исследования советских, российских и белорусских ученых. Вопросам понятия, содержания, тенденциям и направлениям уголовной политики посвящены работы Н.С. Алексеева, Н.А. Барановского, А.В. Баркова, Н.А. Беляева, В.Г. Даева, А.А. Герцензона, О.В. Гревцова, А.Э. Жалинского, Н.И. Загородникова, А.И. Исмаилова, В.А. Казаковой, А.И. Коробеева, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, О.А. Малышевой, В.В. Марчука, Г.М. Миньковского, П.Н. Панченко, О.Г. Перминова, Т.Р. Сабитова, А.Л. Савенка, Э.А. Саркисовой, А.В. Федорова, В.Б. Шабанова, В.М. Хомица, В.Ф. Цепелева и многих других ученых.

Несмотря на серьезную проработку проблем уголовной политики, в нынешних условиях потребность в конкретизации ее сущности, содержания, целей и задач, оптимизации стратегии и тактики возрастает. Особого внимания заслуживает рассмотрение конкретных уровней (подсистем) уголовной политики, их соотношение. Данные положения могут быть исследованы сквозь призму обоснования самостоятельности обозначенного направления социальной политики, имеющего свои закономерности, противоречия и особенности, что позволит представить и обосновать современную уголовную политику как самостоятельный объект научного познания.

Следует заметить, что первоначально уголовная политика рассматривалась как организация уголовного законодательства в соответствии с началами естественного права, с особенностями национальной культуры; деятельность государства в борьбе с преступностью [4, с. 359]. В этой связи следует отметить, что по-прежнему вопрос о сущности уголовной политики не потерял своей дискуссионности.

Анализ специальной литературы, посвященной политике, позволяет утверждать, что наиболее обсуждаемыми являются вопросы уголовной политики, ее понятия, соотношения с иными смежными категориями, видов, предмета, методов, форм реализации, субъектов, наделенных соответствующими полномочиями.

Рассматривая сущность исследуемой категории, отметим, что уголовная политика в основном определяется целями и содержанием общей социальной политики, воспроизводит ее основные черты [9, с. 17]. Поэтому разработка стратегии и тактики борьбы с преступностью, прогрессивные преобразования средств и методов уголовной политики не могут происходить без учета информации, поступающей «сверху», из сферы социальной политики, а не только «снизу», из сферы практики специальных мер борьбы с преступностью. Только зная общие принципы социальной политики, другие ее базовые положения, можно сформулировать и обосновать общую концепцию уголовной политики в нашем обществе, писал А.И. Исмаилов [9, с. 17–19]. Г.М. Миньковский указывает на планомерный и научно обоснованный характер уголовной политики, которая опирается на возможность познания социальных потребностей и потенциалов общества и государства на каждом этапе его развития в сфере борьбы с преступностью [10, с. 380]. Вместе с тем уголовная политика также имеет влияние на социальную политику: как верно отмечает О.В. Гревцов, в силу специфики своего объекта социального управления, то есть преступности, уголовная политика оказывает прямое и мощное воздействие на политику государства в целом, вплоть до изменения сущности последней [11, с. 4].

В рамках данной публикации нами поставлена задача обосновать самостоятельность уголовной политики, наличие у данного направления социальной политики характерных именно для него системных свойств и взаимосвязей. Так, А.И. Исмаилов выделяет следующие свойства уголовной политики: сложность, т. е. наличие нескольких составных частей (подсистем) и элементов; структурность, то есть существование устойчивого набора составных частей; упорядоченность (организованность), то есть наличие связей и зависимостей между уголовной политикой как целостностью и ее составными частями; замкнутость, то есть определенная обособленность уголовной политики от других видов социальной политики [9, с. 17–18].

Изложенное указывает на необходимость анализа уголовной политики с точки зрения системного подхода, что предполагает выделение и уяснение ее подсистем либо уровней. «Научная теория – политическая концепция – правовое регулирование – правоприменение на основе научных же рекомендаций и с обратной связью с предшествующими «ступенями» – таким видится место политиче-

ских и правовых наук в управлении делами общества», – писал А.И. Исмаилов [9, с. 5].

Учеными правовая политика в зависимости от сферы воздействия обычно подразделяется на: 1) законодательную (правотворческую, правоустановительную); 2) правоприменительную; 3) юридическую (политику в области юридической науки) [12, с. 98].

Ю.А. Воронин рассматривает уровень общей уголовной политики (где разрабатываются и реализуются ее теоретические, прогностические, стратегические основы) и уровень конкретной (практической) уголовной политики, где принимаются детализирующие решения, обеспечивающие функционирование отдельных звеньев системы воздействия на преступность в нужном для буржуазных государств направлении [13, с. 3].

В.Ф. Цепелев выделяет пять уровней политики и отмечает, что если на доктринальном, директивном и отчасти законодательном уровнях уголовная политика разрабатывается и закрепляется, то на законодательном (частично), управленческом и правоприменительном она реализуется [14, с. 294].

Обобщив изложенные в научной литературе подходы, предлагаем собственное видение элементов (сторон, уровней) уголовной политики.

1. Концептуальный уровень – общая линия (идея, концепция). Данный уровень определяет основные принципы, на которых базируются все меры борьбы с преступностью, определение целей и задач борьбы с преступностью, путей и средств этой борьбы, ее конкретной направленности (на определенном этапе развития общества в конкретных социально-экономических условиях). На этом уровне могут приниматься программные документы в области борьбы с преступностью.

2. Уровень практической политики. Общая линия на данном уровне «перетекает» в законодательный подуровень: уголовный закон, иные нормативные правовые акты (в первую очередь кодифицированные) в области борьбы с преступностью, создавая регулятивные правоотношения, и правоприменительный подуровень – применение норм права в контексте конкретных конфликтных охранительных отношений.

3. Доктринальный уровень. Это научное осмысление как общей линии, так и практической политики в области борьбы с преступно-

стью, а также историко-правовой, сравнительно-правовой анализ и выработка рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовой борьбы с преступностью.

Основу уголовной политики (концептуальный уровень) формирует идейно-теоретическая база – множество основополагающих идей, которые вырабатываются самой уголовной политикой. Эти идеи синтезируются из конкретных направлений борьбы с преступностью и соответствующих выявленных закономерностей и тенденций общественного развития. Здесь объясняется и сама потребность в борьбе с преступностью, пределы и содержание этой борьбы, цели, задачи, механизм и проч. Изучению данного уровня особое внимание уделил П.Н. Панченко. Ученый отмечает, что сюда включаются проблемы, с позиций которых изучаются соответствующие закономерности и возможности, а именно: понятие, тенденции развития уголовной политики и ее научных основ, система, источники, формы выражения, принципы, функции, субъекты, направления, средства, управленческие аспекты, эффективность, пути дальнейшего совершенствования данной политики и др. [15, с. 8].

Реализуется концептуальный уровень уголовной политики в Основном законе государства, программных документах, целевых директивах, посланиях и др. Особый компонент данной подсистемы – принципы уголовной политики. И.А. Исмаилов указывает, что принципы уголовной политики, являясь «сквозными» ориентирами организации, функционирования, развития системы борьбы с преступностью, концентрированным выражением ее сущности распространяются на все подсистемы [9, с. 22].

Процесс перехода концептуального уровня политики в практический видится весьма сложным и неоднозначным. А.В. Федоров заключает, что «право и политика как явления человеческой цивилизации имеют множество взаимосвязей, часть из которых в своей совокупности позволяет констатировать, что политика формирует право, которое становится инструментом реализации политики. Право производно от политики, выражает политику и служит средством ее реализации при определяющей роли государства, которое реализует соответствующую правовую политику» [12, с. 97].

В современных условиях создать стабильное и универсальное законодательство практически невозможно. Как верно отмечает А.В. Барков, в условиях динамичности поправки неизбежны, однако

они должны быть необходимыми и основываться на опыте предшествующего правоприменения, влечь повышение эффективности правового регулирования [16, с. 431–432]. Любые изменения уголовного закона требуют тщательного осмысления и обоснования, дабы они не вступали в противоречие с социальными реалиями.

О.Г. Перминов указывает, что совершенствование законодательства является одним из основных, но не единственным направлением изменения уголовной политики. Другим важным направлением следует считать создание необходимых условий (организационных, финансовых, кадровых) для реализации принятого уголовного законодательства [17].

Именно правоприменение позволяет определить компромисс между желаемым и объективно возможным результатом уголовной политики. Реализация уголовной политики правоприменителем – отдельная тема научного исследования. Для уяснения взаимосвязей отметим лишь то, что именно в результате правоприменительной деятельности выявляются положительные и негативные стороны уголовной политики. Именно по результатам правоприменительной практики возможно и дальнейшее совершенствование уголовного закона, и развитие уголовной политики.

В рамках данного исследования представляется целесообразным уделить внимание доктринальному уровню уголовной политики. Борьба с преступностью однозначно должна иметь под собой научную основу. Невозможно создание ни руководящих идей, ни текста уголовного закона без должной научной проработки. Только всесторонняя, научно обоснованная концепция воздействия на преступность способна сделать уголовную политику эффективной. Полагаем, для Российской Федерации и Республики Беларусь фундаментальные научные исследования, обеспечивающие уголовную политику, являются весьма целесообразными и актуальными.

Доктрина играет существенную роль в первую очередь в процессе конструирования новых правовых положений. В качестве примера можно привести историю создания УК Республики Беларусь 1999 г. Сложнейшие процессы, сопутствующие становлению действующего уголовного закона Беларуси, влияние на его конструирование известных белорусских правоведов отражены в публикациях А.В. Баркова [18; 19]. Следует отметить колоссальную работу бело-

русской правовой мысли и тот существенный вклад, который внесли ученые в уголовное законотворчество Беларуси.

Рассматривая уголовную политику на основе системного и комплексного подхода, следует констатировать взаимосвязь и взаимообусловленность уровней уголовной политики, сформулировав задачу нахождения четкого баланса между указанными подсистемами. Так, современные и совершенные научные концепции не будут реализованы в том случае, если они не развиты до уровня идеи либо если на уровне их реализации идет отторжение (у законодателя и правоприменителя). С другой стороны, абсолютно недопустимо ведомственное уголовное законотворчество, основанное на сиюминутных потребностях правоприменения и не согласованное с научными подходами и тем более – основной линией уголовной политики. Без научной опоры вполне возможно найти простые и скорые решения, но жизнь показывает, что такой подход далеко не оптимален. Н.А. Лопашенко делает весьма неутешительный вывод о том, что влияние доктрины уголовного права на уголовную политику невелико [20, с. 55]. Действительно, в настоящее время процесс совершенствования законодательства зачастую и вовсе происходит без участия представителей науки. А ведь теоретико-правовой подход к исследованию проблем уголовно-правового нормотворчества обусловлен нарастающей потребностью обеспечить прогрессивные преобразования действующего уголовного законодательства, необходимостью правильной постановки целей и задач таких преобразований. Иначе реформирование закона утрачивает самое главное – понимание сущности и системности происходящих преобразований. И разумеется, не стоит забывать об идеолого-правовой основе, общей линии уголовной политики. Только качественное взаимодействие указанных уровней уголовной политики способно предотвратить либо блокировать деструктивные последствия реформ, которые вполне могут превысить их позитивные результаты.

В этой связи Н.И. Загородников отмечал: «Уголовная политика является единой линией, выработанной государством, отражающей объективную картину существования преступности и мер, необходимых для ее преодоления. Эта линия закреплена в нормах закона, конкретна и безусловно обязательна для всех» [2, с. 12]. Рассматривая уголовную политику как системообразующий комплекс, необходимо выделять ее виды (векторы, составные части, элементы). Внутри сво-

его содержания единая линия политики в области борьбы с преступностью переходит в систему относительно самостоятельных векторов: вектор уголовно-правовых средств борьбы с преступностью, вектор оперативно-розыскных и судебных (уголовно-процессуальных [3]) мер борьбы с преступностью, вектор исправительно-трудовых средств борьбы с преступностью и др. [2, с. 13]. Э.А. Саркисова относит к видам уголовной политики уголовно-правовую, уголовно-исполнительную, уголовно-процессуальную и криминологическую [1, с. 540].

Таким образом, уголовная политика интегрирует в единое целое относительно самостоятельные направления борьбы с преступностью. В качестве одного из системообразующих видов единой политики в области борьбы с преступностью выступает уголовная политика в узком смысле этого слова (в данном контексте в научных трудах чаще употребляется категория «уголовно-правовая политика»), которая реализуется и закрепляется средствами уголовного права. Понятие «уголовно-правовая политика» используется в уголовном праве для обозначения «политики в области противодействия преступности методами уголовного закона» [21, с. 264], которая «вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения» и «выражается в директивных документах, нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения» [22, с. 59]. Как отмечает Э.А. Саркисова, «уголовно-правовая политика, имея своим основным источником уголовное право, нацелена на определение и использование уголовно-правовых средств воздействия на преступность, борьбы с ней. ...Что касается проявления (реализации) уголовно-правовой политики, то ее зеркалом является уголовный закон, во-первых, и практика его применения, во-вторых. Индикатором же развития уголовной политики и в то же время ее предметом является преступность как явление, динамика и структура которой предопределяет систему противодействующих ей мероприятий» [1, с. 541].

Уголовная политика имеет единый объект воздействия – преступность. Но именно уголовно-правовая политика располагает своими особыми приемами, средствами, возможностями, закрепленными в уголовном законе на основе общих принципов единой политики борьбы с преступностью или уголовной политики в широком смысле слова [2, с. 13].

Связь уголовной политики и уголовного права, их взаимное влияние видятся наиболее определенными, ведь преступность является в первую очередь уголовно-правовой категорией. Н.Ф. Кузнецова заключает о связи преступности с уголовным правом: круг составляющих ее преступлений определяет уголовное законодательство. Ученый доказывает, что изменение уголовного закона сразу влияет на правовую сторону преступности [23, с. 174]. Более того, необходимо учитывать, что уголовная политика действует в более широких законодательных рамках, чем уголовное правосудие. Набор средств воздействия на объект для уголовной политики не ограничен только законодательными технологиями [24, с. 37].

Н.И. Загородников отмечает, что именно через уголовное право уголовная политика оказывает определяющее воздействие на другие отрасли права, имеющие отношение к борьбе с преступностью, правовые институты и учреждения [2, с. 10–14]. Приоритет уголовно-правовой политики, ее доминирующее положение среди иных направлений уголовной политики обосновывают Э.А. Саркисова [25], Н.А. Лопашенко [21], А.И. Коробеев [22] и другие ученые.

Содержательная сторона уголовно-правовой политики представляет собой определение принципов уголовно-правового воздействия на преступность, определение круга преступного и наказуемого, определение круга мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, и целый ряд иных элементов, заложенных в уголовном законе. Необходимо отметить, что в последнее время в нее включаются и относительно новые элементы – ресоциализация и социальная адаптация лиц, совершивших общественно опасные деяния. Сколь бы насущным ни было определение государственного принуждения в уголовно-правовой сфере, не менее целесообразным представляется обоснование включения в содержание уголовно-правового воздействия мер убеждения. Вместе с тем вся структура уголовной политики выстроена исходя из одного объекта – преступности. Мы предлагаем взглянуть на объект уголовной политики более широко – как на совокупность общественно опасных деяний (совершаемых юридическими лицами; невменяемыми; лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности).

При выборе наиболее оптимального подхода к решению вопроса о природе уголовной политики следует учитывать, что политика – это не только совокупность процессов в государстве, связанных с влия-

нием установок на содержание и выполнение преследуемых целей, но и управление ими.

Конечно, речь в первую очередь идет о разрешении уголовно-правовых вопросов, связанных с криминализацией – декриминализацией, пенализацией – депенализацией и др. Вместе с тем нельзя забывать о служебной роли уголовно-процессуальных отношений применительно к отношениям уголовно-правовым. Следовательно, реализация уголовно-правовой политики немыслима без политики уголовно-процессуальной, и наоборот.

Так, не случайно все большее распространение приобретает прогнозирование, в том числе и политическое. Действительно, юридическая наука характеризуется отсутствием общенаучной методологии прогнозирования последствий принимаемых решений, что неизбежно приводит к дефектности этих решений. Классическая, но естественная по указанной причине погрешность законодателя – разработка идеальных законов, которые должны хорошо работать в идеальном обществе. Прогнозирование ситуаций, в которых будет действовать закон, выявит: общество не идеально, граждане – далеко не законопослушны, отдельные правоприменители будут блокировать прогрессивную составляющую закона и др.

В этой связи В.В. Лунеев отмечает, что в настоящее время отсутствует знание и понимание социальных последствий преступности: «Мы не знаем реального объема преступности; мы не знаем ее полных социальных последствий; мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью; мы не знаем, во что она, в целом, обходится человеческому сообществу; мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в мире. Более того, мы глубинно не изучаем эти проблемы. Мы привыкли ко всему этому «незнанию», как к стихии» [26, с. 38].

Следует признать, что и в рамках уголовного судопроизводства приходится сталкиваться с последствиями преступлений. Более того, существование самого уголовного судопроизводства также является следствием преступности.

В связи с упомянутым выше политическим прогнозированием необходимо учитывать, каким образом принятие того или иного решения может сказаться на других сферах государственной политики. Так, например, некоторые ученые отрицательно оценивают помило-

вания и амнистии, которые в общественном сознании зачастую нивелируют результаты деятельности органов уголовного преследования и суда.

Таким образом, следует согласиться с теми учеными, которые рассматривают уголовную политику в качестве совокупности составляющих ее элементов, среди которых выделяется и политика уголовно-процессуальная [27, с. 74; 28, с. 14; 29, с. 25; 30, с. 29 и др.]. Следовательно, государственная уголовная политика по определению не может быть реализована исключительно нормами уголовного права в отличие, кстати, от политики уголовно-правовой.

Нельзя не отметить присутствие некоей «ретроградности» в реализации уголовно-процессуальной политики. Так, например, концепция Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ в первоначальной редакции заключалась в провозглашении и процессуальной защите основных постулатов:

- принцип недопустимости поворота к худшему на всех стадиях уголовного судопроизводства;
- невозможность для суда выйти за пределы предъявленного обвинения и применить закон о более тяжком преступлении;
- ограничение полномочий суда в части возвращения уголовных дел в досудебное производство.

Однако правовые позиции Конституционного Суда РФ в последующем нивелируют эти фундаментальные начала уголовно-процессуальной политики, обеспечив ее ретроградное движение.

Так, согласно первоначальной редакции ст. 405 УПК РФ («Недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора»), пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, не допускались. Анализ правоприменительной практики показал, что со ссылкой на ст. 405 УПК РФ было отказано в удовлетворении надзорных жалоб заявителям, признанным потерпевшими по соответствующим уголовным делам, о пересмотре приговоров и кассационных определений в связи с неправильной переквалификацией совершенных подсудимыми дей-

ствий как подпадающих под признаки менее тяжкого преступления и мягкостью назначенного им наказания. Однако судебная ошибка, устранение которой сопряжено с ухудшением положения осужденного (оправданного), как следовало из УПК РФ, не могла служить ни основанием пересмотра судебного решения в порядке надзора, поскольку ст. 405 УПК РФ прямо запрещала поворот к худшему, ни основанием возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, поскольку, согласно ст. 413 УПК РФ, вновь открывшимися обстоятельствами могут признаваться только преступные действия участников уголовного судопроизводства, установленные вступившим в законную силу приговором суда, а новыми обстоятельствами – лишь такие обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, которые устраняют преступность и наказуемость деяния. Таким образом, исправление судебной ошибки, если это ведет к ухудшению положения осужденного, в действовавшей системе уголовно-процессуального регулирования невозможно ни при пересмотре судебного решения в порядке надзора, ни в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Обеспечивая потерпевшему возможность отстаивать в уголовном судопроизводстве свои права и охраняемые законом интересы, а прокурору – реализовывать предоставленные ему полномочия, законодатель наделил их правом наравне со стороной защиты – обвиняемым, осужденным, оправданным, их защитниками и законными представителями – оспаривать вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда, инициируя тем самым их пересмотр. Между тем из содержания ч. 1 ст. 402, ст. 405 УПК РФ следует, что право потерпевшего и его представителя, а также прокурора ходатайствовать о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления по основаниям, ухудшающим положение осужденного (оправданного), сводится лишь к формальной возможности обратиться в суд надзорной инстанции с соответствующим ходатайством и заведомо не предполагает его удовлетворение.

Осужденный (оправданный), напротив, не ограничен в возможности ходатайствовать о пересмотре судебного решения по основаниям, улучшающим его положение, и такое ходатайство является обязательным для рассмотрения и разрешения по существу приведенных в нем доводов судом надзорной инстанции. Тем самым сторона защиты

ставится в преимущественное положение по отношению к стороне обвинения – потерпевшему, его представителю и прокурору, что не согласуется с конституционными предписаниями об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, ведет к нарушению баланса конституционно защищаемых ценностей.

Таким образом, Постановлением от 11 мая 2005 г. № 5-П Конституционный Суд РФ норму ст. 405 УПК РФ признал не соответствующей Конституции РФ¹.

Как уже было отмечено, с принятием УПК РФ и его вступлением в законную силу упразднен институт возвращения судом уголовных дел для производства дополнительного расследования. Однако ст. 237 УПК РФ предусматривала возможность возвращения судом уголовного дела прокурору при наличии одного из указанных в законе оснований. В ч. 4 ст. 237 УПК РФ при этом подчеркивалось, что производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному прокурору, не допускалось. По данному вопросу Конституционный Суд РФ пояснил: в соответствии с установленным в РФ порядком уголовного судопроизводства предшествующее рассмотрению дела в суде досудебное производство призвано служить целям полного и объективного судебного разбирательства по делу. В результате проводимых в ходе предварительного расследования следственных действий устанавливается и исследуется большинство доказательств по делу, причем отдельные следственные действия могут проводиться только в этой процессуальной стадии. Именно в досудебном производстве происходит формирование обвинения, которое впоследствии становится предметом судебного разбирательства и определяет его пределы. С учетом содержания и значимости досудебного производства уголовно-процессуальный закон гарантирует обвиняемому на стадии предварительного расследования право знать, в чем он обвиняется, пользоваться помощью защитника и переводчика бесплатно, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться по окончании дознания или предвари-

¹ По делу о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ, 11 мая 2005 г., № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

тельного следствия со всеми материалами уголовного дела и ряд других прав; потерпевший, в свою очередь, вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении, иметь своего представителя, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с материалами уголовного дела и др. Нарушение процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого на стадии предварительного расследования может лишить их эффективной судебной защиты.

В качестве гарантии процессуальных прав участников уголовного судопроизводства конституционные принципы правосудия предполагают неукоснительное соблюдение процедур уголовного преследования. Поэтому в случае выявления допущенных органами дознания или предварительного следствия процессуальных нарушений суд вправе, самостоятельно и независимо осуществляя правосудие, принимать в соответствии с уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу.

Таким образом, суд общей юрисдикции при осуществлении производства по уголовному делу может по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, когда в досудебном производстве допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, неустранимые в судебном производстве, если возвращение дела прокурору не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия; при этом устранение допущенных нарушений предполагает осуществление необходимых для этого следственных и иных процессуальных действий. В противном случае участники уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы были нарушены в ходе досудебного производства, по существу, были бы лишены судебной защиты¹.

Наконец, Конституционный Суд РФ расширил полномочия суда при рассмотрении уголовных дел по существу путем признания по-

¹ По делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ, 8 декабря 2003 г., № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

ложения ч. 2 ст. 237 УПК РФ противоречащими Конституции РФ как исключającego в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, что, по мнению Конституционного Суда РФ, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления¹.

Таким образом, Конституционный Суд РФ, не являясь законодательным органом власти, существенно корректирует уголовно-процессуальную политику, а возможно, даже и формирует ее.

Реализация изложенных и многих других подходов невозможна без доктринального обоснования и формирования новой идеи, концепции воздействия на общественно опасные деяния. Причем видится правильным общий, объединенный подход к рассмотрению уголовной политики как целостной системы, а ее элементов – в их взаимосвязях и взаимозависимостях. Для этого полагаем целесообразным развивать представления об уголовной политике как единой области научного знания. Подчеркнем, что еще советскими учеными (И.А. Исмаиловым, П.Н. Панченко и др.) обосновывалась необходимость рассмотрения уголовной политики как предмета научного познания в целях эффективности реализации соответствующих направлений практической уголовной политики.

Интересна позиция П.Н. Панченко, который обосновывал необходимость организационного оформления в самостоятельную научную область общественнознания уголовной политологии как науки, призванной изучать свойства, связи и отношения уголовной политики как единой сложной системы и поставлять соответствующим органам информацию, могущую служить основой принятия решений

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ, 2 июля 2013 г., № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

об организации, оптимальном режиме функционирования и совершенствования системы воздействия на преступность на определенные периоды времени и на перспективу [15]. Ученый писал: «Определенность в предмете и системе научных основ уголовной политики (основ общей теории борьбы с преступностью) открывает перспективы для дальнейшего ее развития как вузовской учебной дисциплины, подготовки по ней программы, совершенствования программ других уголовно-правовых учебных дисциплин» [15, с. 3].

Таким образом, уголовная политика как направление деятельности государства по борьбе с преступностью – самостоятельное, целостное, системообразующее явление. Об уголовной политике следует говорить в комплексе, содержательно объединяя исследования видов уголовной политики в единый объект научного познания. Речь идет не только о системном рассмотрении уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и других видов уголовной политики, но и о тесной взаимосвязи различных ее уровней (концептуального, доктринального, практического). Причем нами обосновывается необходимость оптимизации всех подсистем уголовной политики, приведение ее основополагающих линий в соответствие со сложившимися социально-экономическими условиями.

В самой структуре уголовной политики имеется достаточно мощный, вполне наполненный доктринальный блок. Дальнейшее преобразование методологических основ и практики борьбы с преступностью требует развития теоретического знания. За научными разработками видится будущее эффективной борьбы с преступностью и оптимального уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния. Невозможно создание ни руководящих идей, ни текста нормативного правового акта без должной научной проработки. Только всесторонняя научно обоснованная концепция воздействия на преступность способна сделать уголовную политику эффективной.

Полагаем, фундаментальные научные исследования, обеспечивающие уголовную политику, являются весьма целесообразными и актуальными, причем уголовная политика должна выступать в таких исследованиях в качестве самостоятельного объекта научного познания.

Список использованной литературы

1. Саркисова Э.А. Современная уголовно-правовая политика Республики Беларусь: содержание, тенденции, перспективы / Э.А.Саркисова // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В.И. Семенов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – Вып. 6. – С. 539–547.
2. Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел / Н.И. Загородников. – М., 1979.
3. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1997.
4. Маклецов А. Проблема уголовной политики / А. Маклецов // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 359–366.
5. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М., 1998.
6. Политология для юристов : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1999.
7. Пугачев В.П. Введение в политологию : учеб. пособие для вузов / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – М., 1995.
8. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики / А.А. Герцензон. – М., 1970.
9. Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / И.А. Исмаилов. – Л., 1990.
10. Миньковский Г.М. Уголовная политика : юридический энциклопедический словарь / Г.М. Миньковский ; под ред. А.Я. Сухарева. – М., 1984.
11. Гревцов О.В. Уголовная политика современной России и предупреждение преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Гревцов. – СПб., 2000.
12. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики в эпоху финансово-экономических перемен / А.В. Федоров // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Рос. конгр. уголовного права, Москва, 30–31 мая 2014 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М., 2014. – С. 97–103.

13. Воронин Ю.А. Тенденции современной буржуазной уголовной политики: уголовно-правовые и криминологопрофилактические аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.А. Воронин. – Свердловск, 1983.

14. Цепелев В.Ф. Уголовная политика: теория и реальность / В.Ф. Цепелев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 292–296.

15. Панченко П.Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики: проблемы формирования и реализации теоретической концепции уголовно-правовой борьбы с преступностью в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П.Н. Панченко. – М., 1990.

16. Барков А.В. Уроки законотворчества в уголовном праве / А.В. Барков // Генетические закономерности права : сб. науч. тр., посв. 90-летию проф. С.Г. Дробязко / редкол. : С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – С. 431–436.

17. Перинов О.Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики / О.Г. Перминов // Следователь. – 2012. – № 6 (170). – С. 6–22.

18. Барков А.В. Реформа уголовного права в Беларуси (1989–1999 гг.) / А.В. Барков // Право и демократия : межвуз. сб. науч. тр. / редкол. : В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск. – Вып. 26. – С. 247–264.

19. Барков А.В. Десять лет Уголовному кодексу Республики Беларусь: история разработки и принятия / А.В. Барков // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол. : А.В. Барков [и др.]. – Минск, 2010. – С. 26–42.

20. Лопашенко Н.А. Уголовное право: теория и практика изменения или ожидаемые перемены и неожиданные результаты / Н.А. Лопашенко // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Рос. конгр. уголовного права, Москва, 30–31 мая 2014 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. – М., 2014. – С. 54–70.

21. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – СПб., 2004.

22. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – Т. 1 : Преступление и наказание. – СПб., 2008.

23. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1969.
24. Белослудцев В.И. Правоведение. Формирование концепции эффективного противодействия преступности / В.И. Белослудцев, А.Ю. Слони // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 12. – С. 35–37.
25. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э.А. Саркисова. – Минск, 2014.
26. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 36–56.
27. Газетдинов Н.И. Современная уголовная политика и отечественная доктрина о принципах уголовного судопроизводства / Н.И. Газетдинов // Журнал российского права. – 2007. – № 7. – С. 72–77.
28. Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: понятие и содержание / А.И. Коробеев // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр.– Красноярск, 1999. – Вып. 2. – С. 14–22.
29. Малышева О.А. Уголовная политика и уголовно-процессуальный закон / О.А. Малышева // Мировой судья. – 2004. – № 2. – С. 25–28.
30. Малышева О.А. Уголовно-процессуальная политика – элемент единой уголовной политики / О.А. Малышева // Российский следователь. – 2005. – № 8. – С. 19–21.

Информация об авторах

Смирнова Ирина Георгиевна – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Шаблинская Диана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований, Национальный центр законодательства и правовых ис-

следований, 220050, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Берсона, 1а,
e-mail: center@pmrb.gov.by.

Information about the authors

Smirnova, Irina G. – Doctor of Laws, Associate Professor, Deputy Director of Law Institute for Science, the Head of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law institute, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Shablinskaya, Diana V. – PhD in Law, Associate Professor, the Head of Research in the field of Law-enforcement Activity and Implementation of Justice of Institute of Legal Researches, National Center of the Legislation and Legal Researches, 1a Bersona Street, 220050, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: center@pmrb.gov.by.